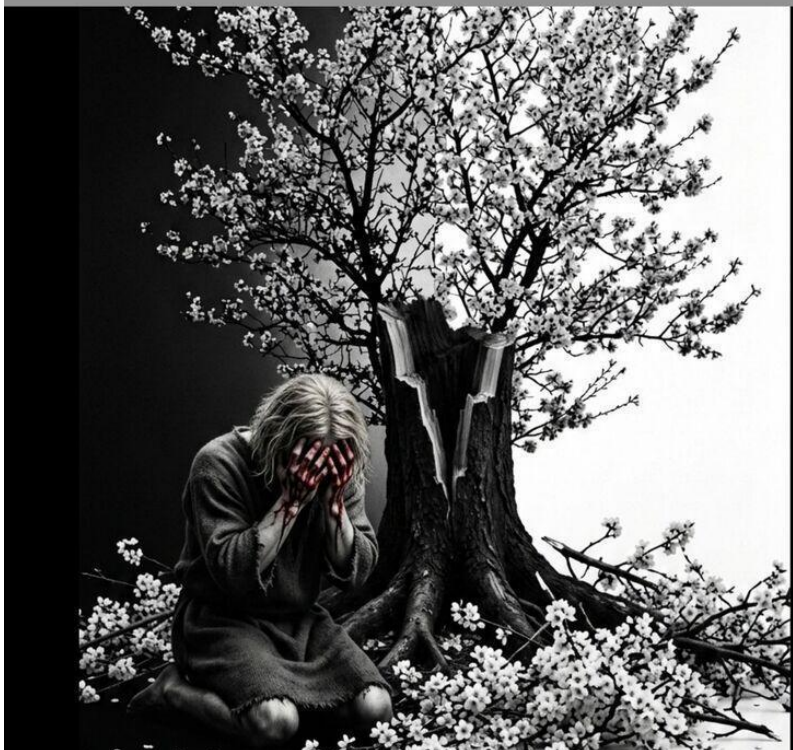

18+

Док Тор
Договор «Чёрное и белое»

Спасти... Уничтожить...

Док Тор

Договор «Чёрное и белое».

Спасти... Уничтожить...

<https://litres.ru/74274924>

ISBN 9785007060110

Аннотация

У него в груди бьётся не сердце, а безжалостный механизм, отсекающий всё человеческое. В её разуме живёт самый древний демон. Между ними — рушащийся Договор, пролитая кровь и запретная тяга, способная сжечь оба мира. Джэлил Теовиль готов на любую жертву ради сохранения равновесия. Даже если этой жертвой станет его собственный сын. Но как выполнить этот приговор, если она не позволит этого? В тени Люцифер терпеливо ждёт своего часа, а древний артефакт Ада уже выслеживает свою добычу.

Содержание

ПРОЛОГ. Каин	5
ГЛАВА 1. Элизиум	16
ГЛАВА 2. Сын	25
ГЛАВА 3. Сварог	32
ГЛАВА 4. Белая комната	36
ГЛАВА 5. Ребёнок в доме	41
ГЛАВА 6. Рождение Наместника	45
ГЛАВА 7. Жертва	52
ГЛАВА 8. Малисса	60
ГЛАВА 9. Свадебная ночь	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Договор «Чёрное и белое» Спасти... Уничтожить...

Док Тор

© Док Тор, 2026

ISBN 978-5-0070-6011-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ. Каин

«Дьявол не может быть счастлив. Даже когда побеждает. Особенно когда побеждает».

Мир замер. Ветер стих. Птицы не пели — будто сама земля затаила дыхание.

Каин стоял на коленях. Пальцы дрожали, касаясь алой влаги на виске брата. Она была тёплой, почти живой, и ужасно липла к коже.

— Брат?..

Голос сорвался в шёпот. Он дотронулся до щеки — ещё тёплой, но восковой. Слизнул каплю — и скривился. Горький. Металлический. Чужой.

— Вставай!

Он встряхнул безвольное тело. Голова брата лишь безжизненно качнулась.

— Это не смешно!

Пальцы впились в плечи, оставляя тёмные отпечатки на светлой ткани.

— Я... я просто...

Он оглянулся на камень. На нём алела та же влага. Его пальцы. Руки. Вся передняя часть туники.

Словно во сне, он поднял тело — оно обмякло, голова запрокинулась, открывая синеющий след на шее.

— Я отнесу тебя к ручью, — бормотал Каин, спотыкаясь под непривычной тяжестью. — Смою эту...

В тот день Авель переступил черту. Миндальное деревце — единственное утешение нелюдимого и одинокого Каина. Брат срубил его, как ломают ветку. И усмехнулся. Зная, как Каин дорожил им.

Когда Каин закричал, в глазах брата мелькнуло что-то торжествующее. Он бросился на него — и Каин просто оттолкнул.

Кровь. Тёплая. Липкая. Окончательная.

Материнский крик разорвал тишину.

— Что ты наделал?!

Она рухнула на колени, вырвав тело из его рук. Её пальцы скользили по лицу, смазывая кровь по бледной коже.

— Ана, я не...

Пощёчина обожгла щёку. Потом вторая. Третья.

— Ты убил его! СВОЕГО БРАТА!

Каждое слово раскрывало всё новые грани тьмы в его душе. Каин прикрыл лицо руками, чувствуя, как по пальцам стекает что-то тёплое — слёзы? Кровь?

— Я не хотел! Он сломал...

— БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ! — Мать вцепилась в его волосы, яростно тряса его голову. — ЛУЧШЕ Б ТЫ ТЫСЯЧУ РАЗ УМЕР САМ!

Отец стоял поодаль. Его лицо было отрешённым и чужим — страшнее всего, что Каин видел.

— Уйди, — прошептал он. — И никогда не возвращайся.

Он побежал. Бежал от криков матери. От безмолвия отца. От тела у ручья. Но больше всего — от себя. Пока ноги не перестали слушаться. А когда очнулся — вокруг была пустыня. Он плакал, и слёзы оставляли солёные дорожки на пересохшей коже.

Неожиданно тьма расступилась.

Он ощутил Его. Создателя. Не видел. Но чувствовал. Свет, пронизывающий до глубин. Голос, вместивший всю скорбь мира:

— КАИН...

Одно слово. В нём была бездна сострадания. Каин рухнул на колени.

— МНЕ ТАК ЖАЛЬ ТЕБЯ...

— О, Создатель... за что? — голос дрожал, как одинокий колокольчик на ветру. — За что?!

Тьма сгущалась, но Присутствие оставалось — тёплое, как память о солнце.

— Я НАДЕЛИЛ ВАС ВОЛЕЙ... И ВОТ ЧТО ВЫШЛО...

Каин чувствовал протянутые руки, но видел лишь ослепительное сияние.

— ТЫ НЕ ВИНОВАТ. ИДЁМ СО МНОЙ. Я ЗАБЕРУ ТЕБЯ ОБРАТНО В НЕБЫТИЕ.

Слова обволакивали. Каин устремился вперёд, коснулся края мантии — и огонь пронзил его!

— НЕТ! — голос прозвучал с болью. — НЕ ПРИКАСАЙ-

СЯ!

Каин отпрянул.

— Но как же я буду рядом с Тобой?! — крикнул он. — Я хочу, чтобы Ты прикоснулся ко мне... а я даже взглянуть не могу?!

Тишина. Потом — вздох.

— МЫ РАЗНЫ.

— Мне нет места среди света, — прошептал Каин. — Мой удел — тьма. Да, Отец?

— ТЫ УЖЕ РЕШИЛ ВСЁ ЗА СЕБЯ.

Голос дрожал.

— Да. Единственное место, которое мне подходит — недра Земли. Где кипит огонь. Где нет никого, кроме предателей. Пусть первого убийцу поглотит первый грешник.

— ТЫ ОБРЕКАЕШЬ СЕБЯ НА ВЕЧНЫЕ МУКИ.

— Я знаю.

— КОГДА ТЫ ПРОЙДЁШЬ ВРАТА... ТЫ СТАНЕШЬ ДЕМОНОМ. ПУТИ НАЗАД НЕ БУДЕТ.

Пауза.

— НО Я НЕ МОГУ ОТПУСТИТЬ ТЕБЯ СОВСЕМ БЕЗ НИЧЕГО...

Прикосновение. Лёгкое, как дуновение. Пальцы коснулись волос. Там, где Он провёл рукой, остались белые пряди.

— НОР СОПРОВОДИТ ТЕБЯ... ПРОЩАЙ, КАИН...

Присутствие исчезло. Навсегда.

Каин упал на колени, сжимая белые пряди.

— Спасибо, Отец...

Слёзы капали на землю, оставляя чёрные дыры, будто даже они были слишком грешными для этого мира.

Прикосновение на плече. Нор — небесное существо с птичьим лицом и крыльями в пятнах — являлся проводником душ к Вратам Ада.

— Я провожу тебя к Малику.

Он схватил Каина — и внутри щёлкнуло — будто сломалась невидимая ось, на которой держался привычный порядок. Земля, деревья, свет — всё потеряло точку опоры. Боль. Голова раскалывалась. Он всё ещё был человеком.

— Ты слишком тяжёлый.

— Прости...

Тьма сгустилась. Нор исчез, а Каин стоял один. И вдруг — свет.

Малик. Архангел-страж с девятью крыльями абсолютной, не знающей оттенков белизны. Он был тем, кто отворял Врата в Ад. Путь был открыт только в одну сторону: вниз. Его взгляд не задержался на лице неожиданного гостя. Он смотрел сквозь, уже видя то, чем этот человек станет на дне.

— Желаешь ли ты проститься с воспоминаниями?

Каин замер. Забыть всё? Мамины слёзы. Папин взгляд. Кровь Авеля... Но и Его прикосновение.

— Нет.

— Ты жесток к себе.

Малик вытащил меч — и врата разверзлись. Жар хлынул

навстречу.

— Запомни: став духом, ты будешь чувствовать боль острее. Ты никогда не увидишь свет. Никогда не вернёшься. Ты отрекаешься от Бога — и остаёшься один.

Каин шагнул в пламя.

— Я не отрекаюсь от Бога. Я отрекаюсь от себя.

Второй шаг. Кожа почернела.

— Прощай, Малик...

Третий. Кости затрещали.

— Прощай, свет...

Ад принял его.

Последний свет — белые крылья в дыму. Врата захлопнулись.

Потом — боль. Распад. Он сгорел. Кожа, мышцы, кости — всё обратилось в пепел... и в мгновение восстановилось. Но он не умер. Он остался.

Дух с обожжённой кожей. Он трогал себя — и чувствовал. Запах горелой плоти — своей плоти. Его вырвало чёрной слизью. И это не принесло облегчения. Тело снова восстановилось, и последовал очередной цикл разрушения.

Он стал безумцем. Демоном, ищущим муки, чтобы заглушить вину. Рвал себя, жёг, резал. С каждым разом — больше.

Однажды, когда он лежал в луже своей крови, раздались шаги.

— Кто ты, безумный? — низкий голос. — Я тебя не

знаю.

Каин вскочил. Раны исчезли. Перед ним стоял Он. Высокий. Статный. Смертельно красивый. Длинные чёрные волосы. Два глаза — один чёрный, другой серый.

— А ты кто?

— **Кто я? Я — утренняя звезда! Кто ты, ничтожество?**

— Каин...

— **Души, что здесь — падшие ангелы. А если я не почувствовал тебя... значит, у тебя нет Кастиса.**

— Что такое кастис?

Пауза. Потом — смех. Громкий. Истеричный.

— **Неужели?! Первый клиент прибыл так скоро! —** Он запрокинул голову. — **Да, Старик, а я ведь говорил! Я выиграю!**

— Что это значит? — прошипел Каин.

Люцифер замолк. Его глаза сверлили.

— **Первый проклятый. Ты — мой первый настоящий человеческий грешник.**

У Каина перехватило дыхание. В висках застучала кровь, заглушая любой другой звук, будто само это место вдруг обратило на него внимание.

Мрак вспыхнул красным. Жар стал таким, что кровь Каина сварилась внутри.

— **Первому клиенту — особый почёт! —** кричал Люцифер, и его голос почти сорвался на крик. — **Я покажу те-**

бе настоящий парк развлечений! Кровавый! Жуткий! Омерзительный!

Его прекрасный, чарующий облик вдруг распался, как картина, написанная на воде. Перед Каином предстали кости, обтянутые обугленной кожей, гниющая плоть, сочащаяся тёмно-зелёной слизью, и два безумных, горящих глаза.

Смрад гниения, жжёной плоти и полного разложения ударил в нос.

— **Я всем вам покажу, что значит иметь собственную волю!** — он развёл руки в театральном жесте, и пространство вокруг Каина вспыхнуло, сплетаясь в тяжёлые, дымящиеся цепи.

Они звенели тонко и жалобно, словно стоны тысяч проклятых, и извивались в воздухе, как живые змеи.

— **Для начала я просто удавлю тебя! Переломаю каждую косточку!**

Люцифер сжал кулаки — и цепи ринулись на Каина со свистом. Первый убийца инстинктивно зажмурился, ожидая агонии...

Но ничего не произошло. Цепи, едва коснувшись его кожи, рассыпались в мелкую чёрную пыль.

— **Что?** — Люцифер зарычал, и в его голосе впервые прозвучала неконтролируемая ярость. — **Почему?!**

Он взмахнул рукой снова — и вновь цепи, не успев сомкнуться, распались в ничто.

— **Нет!** — в бешенстве он ударил кулаком по пустоте, и

весь ад запылился от этого удара. — **Почему ты не поддаёшься?!**

— Потому что я сам выбрал этот ад, — прозвучал спокойный, полный усталой решимости ответ.

И в тот же миг волосы Каина вспыхнули мягким, но нестерпимо ярким светом. Его лучи, чистые и жгучие, коснулись лица Люцифера.

Гул преисподней оборвался, уступив место странной тишине. Люцифер медленно опустил руку. Его плоть, тысячелетиями мгновенно сраставшаяся по первому зову воли, дрогнула и отступила. Исцеления не было. Там, где должен был быть глаз, теперь зияла не рана, а чистый, не заживающий провал. Свет белых прядей выжег не ткань, а саму возможность регенерации. Адская материя просто не умела латать то, что несло на себе отпечаток Творца.

— **Он коснулся тебя...** — голос Повелителя Ада звучал почти истерически. — **Своими собственными руками. Не через посланника. Не через ангела. Лично!**

Каин не отвечал. Он просто стоял, и свет, исходивший от него, мягко освещал уродливые, искажённые очертания ада вокруг, заставляя тени дёргаться в странном, беспокойном танце.

Люцифер сделал шаг назад. Его когда-то ослепительно белые крылья, теперь покрытые язвами и шрамами, нервно подрагивали.

— **Ты даже не понимаешь, что это значит,** — про-

шипел он, и в его шёпоте сквозила невыразимая горечь. — **Я тысячелетия молил о... Нет. Нет, не может быть!**

Он резко встряхнул головой, словно отгоняя какую-то мучительную, навязчивую мысль. Когда он снова заговорил, в голосе не осталось истерики — лишь ярость:

— **Убирайся с моих глаз. Иди в самые глубины. Разлагайся там. Мучай себя, сколько душе угодно. Но запомни...**

Его единственный оставшийся глаз вспыхнул чистым адским огнём.

— **Я найду способ смыть эту метку. И когда это случится, я заставлю тебя возлюбить нынешние муки. Ты будешь ползти по камням и молиться, чтобы я вернул тебе тот первый ад.**

Каин лишь усмехнулся, уже чувствуя, как реальность вокруг него начинает расплываться и терять очертания:

— **Найди этот способ и прекрати мои мучения, Люцифер...**

Преисподняя содрогнулась в последний раз, когда он исчез — не в ослепительной вспышке света, а в клубках густого чёрного дыма, перемешанного с золотистыми, угасающими искрами.

ГЛАВА 1. Элизиум

Ткань прилипла к коже, холодная и мокрая. Каждое движение давалось через тупую боль в суставах. Воздуха в этой глухой келье не хватало. Стены физически давили на грудную клетку, не давая сделать полный вдох. Она лежала, цепляясь за каждый глоток. И в этой тишине проступило чужое дыхание. Медленное, размеренное, живое. Прямо над её лицом навис силуэт.

— Ты слышишь, дитя? Назови своё имя!

Почему его пальцы дрожат, едва касаясь её стопы? Боится?

— Моё... имя? — девушка отодвинулась к изголовью, впиваясь ногтями в гладкий металлический поручень кровати. Взгляд незнакомца прожигает кожу. Что-то щемит у неё в груди — не страх, а... будто стыд. Непонятно.

— Имя! Требую! — его голос вгрызается в самую душу.

— Имя? Моё? Меня зовут... Я... Она... — голос предательски дрожит.

— Вспоминай! — он уже на грани. Он сглотнул, но это не помогло: слова вырвались сдавленным, мокрым хрипом.

— Моё... её имя...

— Говори!!! — рык, от которого стынет в жилах кровь.

— Санджана! Я Санджана Абени! — выдыхает она, и губы сами вытанцовывают странное и сложное имя: — Санджана

Абени Линдайв! Абени... А-бе-ни... — бормочет девушка, как заклинание.

— Что за дьявольщина?! — он бьёт кулаком в матрас. — Твоё имя другое! Настоящее! Говори!

Она молчит. Ответа нет. Зачем вообще имя? Разве недостаточно просто... быть? И почему она не придумала «Анну» или «Монику»? Почему такое сложное имя?

— Значит, ничего не помнишь?

От его шёпота по правой половине лица пробежала незнакомая, ноющая дрожь, заставляя непроизвольно зажмуриться.

Под ребрами кольнуло, остро и внезапно. Она вжалась в матрас, пытаясь спрятать лицо в складках одеяла, но чувствовала его взгляд кожей. Медленно, через силу, она села, прижавшись к спинке кровати. И тут её накрыло. Вина. Тяжелая, давящая, абсолютно чужая, словно кто-то влил её прямо в кровь. За что? Она не знала. Но тело уже готово было просить прощения.

— Почему я вижу только ваши глаза? Где тело?

— Слишком много вопросов, — безжизненно бросает он, садясь на край кровати.

— Я... плохая? — звучит по-детски наивно, но его сердце сжимается.

— Нет. Ты — новорождённая. Выходи из раковины!

Одним движением он срывает одеяло. Перед ним — девушка. Колени к груди, пальцы вцепились в волосы, веки

плотно сомкнуты. Кожа блее больничных простыней, а золотисто-каштановые волосы — словно тропические лианы — рассыпались по плечам, касаясь матраса неестественной длиной.

— Взгляни на меня! — требует он.

Она приподнялась на локтях. Одеяло беззвучно сползло, обнажив бледные, неестественно острые ключицы. Кожа была натянута на атрофированные мышцы, которые должны были дрожать от малейшего усилия. Но движения оставались плавными, текучими, лишенными человеческой слабости. Словно тело поднимала не мышечная сила, а нечто иное, подчиняющееся своим, чуждым законам.

— Вы смотрите, как коллекционер на редкую бабочку, — её голос прозвучал с лёгкой хрипотцой.

— Не бабочку, — поправил он, замечая, как её пальцы бессознательно плетут узор в воздухе — сложный, как мандала. — Химеру.

Она улыбнулась. Эта улыбка вспыхнула, как полярное сияние под холодными лампами операционной: ослепительно красиво и пугающе не к месту.

— Не трогай шторы, — предупредил он, но было поздно.

Луч света упал на её лицо, и он замер. Кожа была неестественно тонкой, и у висков сквозь неё отчетливо проступала сеть голубых вен. Но взгляд приковывали глаза. Дневной свет вытравил из них мягкий фиалковый оттенок, обнажив холодный, глубокий цвет с жестким золотистым ободком во-

круг зрачка. Этот взгляд не оценивал. Он изучал её с тем же пугающим, бесстрастным интересом, с каким маньяк разглядывает будущую жертву, прикидывая, как именно её сломать.

Он не знал её. Точнее, не знал это лицо. На левой щеке, пересекая глаз, тянулся тонкий, почти изящный шрам. Току помнил, как он появился. Своими руками он зашивал рваную рану тогда. Кожный степлер, скобы, кровь, которая не хотела останавливаться. Он тогда подумал: «Будет уродливо». Но ошибся. Шрам не уродовал. Он делал её лицо... живым.

— Единственное, что осталось от той ночи, — пробормотал он, и его пальцы сами потянулись к её щеке. Джана отшатнулась.

— Не трогайте.

Току отдёргнул руку, как от огня. В её голосе не было страха. Только неожиданная неприязнь к этому человеку. Такая же, как у него самого.

Её взгляд скользнул по его лицу.

— Кто вы?

— Току Фергюссон. — Он помолчал. — Я тот, кто вытаскивал тебя с того света. Ты была в коме... пять лет.

Девушка медленно опустилась на кровать. Пять лет. Она не помнила ничего.

Место, приютившее Джану на этот долгий срок, было клиникой «Элизиум», которая дышала призраками. Всюду — в

позолоте рамок, в складках штор, в трещинах мраморного пола — жила она. Малисса Фергюссон. Её портреты висели на каждой стене. Даже воздух был пропитан ею: аромат жасминового масла, которое она любила, смешивался с запахом ландыша и антисептиков.

— Ты сегодня пропустила процедуру, — Току вошёл без стука, держа в руках чашку с дымящимся чаем. Всегда чай. Малиссин рецепт: ромашка, мята, капля мёда.

— Я не она, — Джана отвернулась к окну.

— Но могла бы стать лучше. У тебя нет её аритмии. Нет... слабости. — Он поставил чашку на стол. — Ты высокая и крепкая.

Она не пила. Чай был частью ритуала, как и всё здесь. Каждую ночь Току приходил рассказывать о Малиссе: как она пела колыбельные без слов, как боялась грозы, как мечтала стать врачом. «Как умерла», — не говорил он, но Джана видела это в его глазах. Скорбь и тоску.

Малисса. Как же Джана устала от неё. Но каждый раз любовалась ею на портрете в холле. Она — как первый луч, разрезающий предрассветный туман: хрупкая, но неумолимая. Её короткие густые волосы — сплетение солнечных нитей, сотканных из пшеничных полей и паутинок инея. Глаза — два артезианских озера, а в улыбке — поздняя весна. Она несла в себе парадокс: детская мягкость линий и древняя глубина взора. Загадка, которую хочется разгадывать вечно.

Отец боготворил её. Это было похоже на одержимость.

Каждую неделю он вводил сыворотку в вену Джаны. Игла жгла огнём, и жидкость цвета лунной пыли растекалась по её сосудам, выжигая границы между «я» и «она».

— Сегодня ты увидишь её сны, — прошептал он. Это была уже 261-я инъекция.

Джана впиалась пальцами в край кушетки. Внутри что-то надломилось — треск разрываемой ткани. Сон поглотил её, как воронка: клиника, превратившаяся в живой лабиринт из пульсирующих стен, двери — рёбра, хлопающие в такт чьему-то тяжёлому дыханию. Она бежала, прижимая к груди свёрток — плач гулким, слепым эхо бился о своды её грудной клетки, как в глубоком колодце.

«Вернись», — кричал за спиной голос, знакомый и чуждый. Оглянулась — силуэт в ослепительном сиянии, словно солнце, пожирающее тьму. Свет обжёг глаза. «Ты должна вернуться»!

Пробуждение вышвырнуло её из небытия, как непрошеного гостя, не дав даже опомниться. Току навис над ней, его тень пожирала потолок.

— Меня это утомляет, — прошипел он. — Сколько ресурсов, сколько крови я потратил, чтобы вернуть её. А ты... упираешься, как скотина на убойе!

Джана вырвалась, спина ударилась о стену.

— Я — Санджана! — её голос сорвался в крик. — У меня была жизнь до вас! Семья! Хватит издеваться над моим телом!

— Я не издеваюсь над твоим телом, малышка. Посмотри, как я восстановил твои атрофированные мышцы!

— Где моя семья? — она почти плакала.

— Семья? — Току противно засмеялся. — Я и есть твоя единственная семья! Я тебя создал! Игрушка... Собранная из моего отчаяния и... тела Малиссы и её нерождённого ребёнка! Ты — сосуд. Её душа, её разум... моя надежда. А «Джана»... — он брезгливо протянул каждое слово, — ... просто пробка, которую я вырву.

Она вскочила, влажные волосы раскидались почти до бедер. Её голос дрожал.

— Я не пробка! Человек — я!

— Человек, говоришь? Где они, Джана? Твоя семья? Твои детские игрушки? Твои документы? Ты существуешь только здесь. За пределами «Элизиума» тебя нет!

Джана не заметила, как в палату ворвались охранники. Когда они вцепились в её руки, девушка неестественно выгнулась, и в этот момент что-то внутри щёлкнуло. Воздух вздрогнул. Первый охранник рухнул, даже не поняв, что случилось: её локоть со свистом врезался ему в горло, нога, будто сама собой, выписала дугу, сломав колено второму. Тело двигалось само, будто вспоминало то, чего никогда не учило.

— Остановите её! — заорал Току, но было поздно.

Джана рванула к окну. Стекло разбилось от удара её кулака, осколки сверкнули под луной. Решётки отлетели. Пятый этаж. Асфальт внизу. Сердце замерло на долю секунды,

инстинкт самосохранения работал как у обычного человека — и тогда она прыгнула.

Ветер завыл в ушах. Время замедлилось. Она вытянула руки и падающей звездой приземлилась на корточки, а треснувший под ней бетон вырисовал паутину.

— Не... возможно... — прошипел Току, высунувшись из разбитого окна.

Джана вскочила, сбрасывая с рук остатки стекла, вырывая катетеры из вен. Она посмотрела наверх прямо в глаза Току Фергюссона.

— *Передай Князю Тьмы,* — крикнула она каким-то чужим низким голосом, — *я не вернусь!*

Джана бежала, запрокинув лицо к небу. Воздух, напоённый ароматом мокрой сирени и молодой травы, обжигал лёгкие — так сладко, так больно, будто она впервые училась дышать. Шрам, пересекавший лицо, покалывал на ветру, напоминая о клинике, о Току, о тысячах часов под капельницами.

— Свобода, — прошептала она, и слово рассыпалось в смехе, горьком и лёгком.

Она шагнула вперёд, в облако лепестков, сорванных с яблони, что кружились вокруг, как звёзды, решившие упасть ради неё.

Джана побежала. Ноги сами несли её на Восток. Возможно, к тому, кто звал её во снах или наоборот, от него.

ГЛАВА 2. Сын

— Долго ещё?

— Час, мой господин.

Джэлил откинулся на спинку кожаного кресла. Автомобиль был безупречен: низкий, вытянутый, тяжелый. Но даже в этом пространстве он чувствовал тесноту. Его колени упирались в торпеду, а плечи почти касались потолка. Человеческая инженерия, какой бы совершенной она ни была, оставалась слишком хрупкой для его масштаба.

Он заговорил. Звук был тихим, но в тесноте салона он ударил по ушам, как хлопок в закрытой комнате.

— Лживая тварь, — произнес он. — Надеюсь, ты уже гниешь в аду, Малисса. Потому что в раю тебя точно нет.

Николай, служивший господину с самого его рождения, на долю секунды потерял связь с реальностью. За тысячелетия безупречной службы он выучил каждую интонацию Джэлила, но эта грубая, рубленая фраза была чем-то новым. Чем-то пугающе живым в существе, которое давно переросло человеческие слабости.

Машина замерла перед строением, словно сама отказалась приближаться. Здание гнило под солнцем — осыпающаяся штукатурка, крыша, проглоченная временем, пустые глазницы окон. Дверной проем зиял, как рана, прикрытая доской, изъеденной плесенью.

— Мавзолей для живых, — прошептал Джэлил, ощущая, как непрошенная жалость пробивается сквозь броню гнева.

Когда Джэлил вышел, машина съёжилась. Низкое чёрное купе, которое минуту назад казалось хищным зверем, теперь припало к земле, едва доставая ему до пояса. Он стоял над ней, как повелитель над провинившейся гончей. Просто пошёл вперёд, и железо само собой закрыло за ним дверь, не смея напоминать о себе.

Грохот. Доска рухнула, и в проёме возник силуэт — высохшая фигура в длинном платье, струившемся по земле кровавой тканью. Жара плавил воздух, но женщина, казалось, несла в себе арктический холод.

— Двадцать четыре ребра, — Николай подавил дрожь. — Скелет, обтянутый кожей.

Лиллит шагнула вперёд, спотыкаясь о собственную ненависть. Её лицо, когда-то прекрасное, теперь напоминало потрескавшуюся фарфоровую маску. Глаза — узкие щели алого огня — прожигали Джэдила:

— Нашёл! Зачем? Тебе же не нужен этот уродец! — её голос шипел. — Откуда? Откуда ты узнал о нём?

— Где он? — Джэлил двинулся к ней.

— Убью! — выкрикнула она, исчезая в темноте.

Джэлил бросился за ней. Бегство было ему чуждо, но время истекало. Он ненавидел прибегать к этому. Каждое использование силы оставляло на его душе темное, нестираемое пятно, но сейчас выбора не было. Он позволил стихии

коснуться себя. Воздух мгновенно стал плотным, превратившись в холодный, послушный толчок, сокращающий расстояние между ними. Это было грязно. Но необходимо.

Камень ступеней глухо трескался под его ногами, не выдерживая неестественного ускорения. На первом пролёте он видел её: край платья мелькал в темноте, задевая перила.

Стихия, которую он впустил в себя, теперь тащила его вперёд. Это было не бегство, а пугающе лёгкое скольжение сквозь пространство, противное его сути. С каждым метром внутри, где должен был быть абсолютный контроль, расплозлось новое тёмное пятно. Он подавил вспыхнувшую боль. Иначе он бы упустил Лиллит.

На площадке он почти достал её. Пальцы сомкнулись на ткани. Но инерция рывка была слишком велика. Материя не выдержала натяжения и мгновенно рассыпалась у него в руке, превратившись в серую, мёртвую пыль.

Лиллит издала резкий, сдавленный звук и помчалась по следующему пролёту, оставляя его стоять с пригоршней праха.

Третий этаж встретил их смрадом и плесенью. Лестница кончилась. Впереди — узкий коридор и одна-единственная дверь в конце. Джэлил бросился следом, но Лиллит уже влетела внутрь, захлопнув дверь перед его носом.

Она бросилась к столу. На нем лежали десятки листов. Не детские каракули. Портреты. Лицо Джэдила. Пять лет инъекций, ритуалов и внушений, а этот пятилетний мальчик ри-

совал только его. С тихой, необъяснимой любовью к человеку, которого он никогда не видел.

— Нет... — она схватила ребенка за запястье. Пальцы впились в тонкую кожу, оставляя багровые следы. — Ты не готов. Ещё не время. Как он узнал? Ты должен был стать его проклятием, а не... не этим.

Она швырнула мальчика в угол ровно в тот миг, когда дверь открылась.

Джэлил вошел. Его взгляд мгновенно выхватил листы на столе. На долю секунды его движения замерли.

Лиллит потащила ребенка под затхлое одеяло. Её губы шевелились, формируя первые слоги заклинания перемещения.

— Где он? — спросил Джэлил. Голос был ровным. Слишком ровным.

Лиллит заслонила угол собой и рассмеялась. Высоко, с надрывом. Ткань её платья, лишенная магической подпитки, начала рассыпаться серой пылью, обнажая истощенное, почти полностью покрытое татуировками тело.

— Ты опоздал! Он мой! Синрик...

Джэлил даже не посмотрел на неё. Легкий, небрежный взмах руки. Невидимый порыв ветра швырнул её через всю комнату. Удар о каменную стену был глухим. Тело сползло вниз, неестественно вывернутое.

Джэлил подошел к углу и сорвал одеяло.

Мальчик сидел на полу, поджав ноги. Он не плакал. Он не

дрожал. Он просто склонился над очередным листом, старательно выводя карандашом прядь волос.

Джэлил замер.

На бумаге смотрело его собственное лицо. Точное. До мельчайшей детали. До той едва уловимой тени в уголках губ, которую не видел никто. И до безупречно переданных двухцветных глаз.

— Николай, — позвал Джэлил.

Старик у руля замер. Мгновение — и сутулая спина распрямилась с неестественным, костяным щелчком. Морщины на лице натянулись, став многочисленными шрамами, а в глазах исчезла покорность, сменившись холодным, потусторонним светом. Соул. Единственный, кому дозволено носить личину слуги, когда Наместнику нужен не камердинер, а клинок.

— Господин, — тихо отозвался он.

Лиллит, прижатая к стене, сплюнула кровь на пол. Её смех был сухим, гнусным.

— Посмотри на себя. Ты думаешь, он любит тебя? Он станет твоим концом, Джэлил. Ты это знаешь.

Джэлил опустился на одно колено. Его пальцы, обычно избегающие прикосновений, коснулись подбородка мальчика. Ребёнок поднял голову. В его взгляде не было ни страха, ни злобы. Только тихая, абсолютная нежность.

У Джэлила перехватило дыхание. Листы на столе дрогнули, поднятые внезапным, неконтролируемым порывом вет-

ра, и рассыпались по полу.

— Нет! — Лиллит метнулась к окну. — Он должен был ненавидеть! Должен был...

Джэлил даже не обернулся. Он лишь мысленно дернул невидимую нить. Кожа на его висках натянулась, наливаясь тяжёлым, багровым жаром. Воздух в комнате наполнился запахом озона и ландышей. Из разлома шагнули двое. Сеной и Сансиной. Однокрылые. Их единственные, идеально сбалансированные крылья уже были расправлены для удара, а красные глаза горели.

— Во имя Теовиля, — их голоса прозвучали в унисон, низким, но удивительно мелодичным басом.

Сансиной не стал ждать приказа. Кинжал мелькнул и вошел Лиллит в горло. Лезвие тут же вспыхнуло, выжигая магию прямо в её крови. Она попыталась вырваться, но Сеной уже накинуд на неё цепи. Металл с шипением впился в плоть, подавляя последние попытки сопротивления. Ангелы рывком потащили её к разверзшейся щели пространства, не оставляя ей даже права на последний крик.

Джэлил выпрямился. Багровый жар на висках угас, оставив лишь тупую, ноющую боль — цену за вызов. Он щелкнул пальцами. Здание вспыхнуло, охваченное неестественно белым, беззвучным пламенем, пожирающим всё до основания.

Соул уже держал мальчика на руках, двигаясь к выходу бесшумно и грациозно, словно кошка, пропуская вперед своего господина.

На заднем сиденье автомобиля ребёнок уже спал, прижав к груди смятый рисунок. Сын Джэлила. Живое напоминание о Малиссе.

В тишине салона Джэлил смотрел на спящего ребёнка. И вдруг осознал пугающую вещь: он не помнил, когда в последний раз кто-то смотрел на него без страха. Без трепета. Без расчёта.

Малисса смотрела с обожанием, но это была слепая, разрушительная страсть. Арэй — с виной. Току — с удушливой смесью страха и ненависти. Его легионы — подчёркнуто равнодушно.

А этот мальчик смотрел на него с нежностью. На того, кого он не знал. Того, кто его не растил, не защищал и не искал пять лет.

— Как тебя зовут? — спросил Джэлил. Голос прозвучал тише, чем он планировал.

Мальчик открыл глаза, но не ответил.

— Синрик, — мягко произнёс Соул, чьё лицо снова приобретало черты старого Николая. — Она назвала его Синрик.

ГЛАВА 3. Сварог

Покоя не будет. Джэлил понял это, едва машина остановилась во дворе.

В холле и коридорах замерли люди.

Джэлил не позволил себе дрогнуть. Подавив нарастающее беспокойство, он коротко, почти беззвучно кивнул Соулу: «Уведи его. Тихо». Мальчик растворился в тени колонн, а сам Джэлил, ступая медленно, но неуклонно, пошёл вперёд — навстречу новой беде. И тут из полутьмы Огненных деревьев выступил Арэй. Он сделал первый шаг.

— Джэлил, — голос его дрожал. — Сварог... вернулся... весь в крови... и тащит с собой какого-то человека! Там на заднем дворе...

Джэлил не ответил. Он ускорил шаг.

На светлом мраморе двора тянулся широкий, влажный след. Крови было так много, словно волокли тяжёлую тушу.

След оборвался у колонны. Там лежал снежный барс. Сварог.

Символ рода. Зверь, превосходящий размерами любых своих сородичей. Дар архангела Михаила.

Он дышал с мокрым, булькающим хрипом. Бока судорожно вздрагивали. Шерсть слиплась в тёмные комья, обнажая рваные раны на боках.

Но внимание Джэдила приковала голова. От уха до пасти

шёл глубокий, ровный разрез. Кость была надколота. Кто-то пытался расколоть череп одним ударом.

— Нет... — прошептал Джэлил.

Он бросился к зверю, не думая о крови, о грязи. Упал на колени перед ним, его дрожащие руки коснулись тёплой шерсти у уха. Между ним и его барсом была глубокая связь, и он чувствовал его боль как свою.

— Старик... что с тобой? Кто?

Сварог приоткрыл один глаз. Взгляд, обычно полный мудрого спокойствия и скрытой силы, теперь был затуманен болью. Но в глубине, в самой сердцевине этого взгляда, Джэлил увидел нечто большее. Не просто боль. Предупреждение. Ужас. Барс слабо, едва заметно ткнулся мокрым носом в его ладонь и издал хриплый, короткий звук. Затем, собрав последние силы, отполз в сторону, обнажив то, что лежало под его телом.

Джэлил замер.

На камнях, в луже запёкшейся крови, лежало тело человека.

Длинные спутанные волосы раскинулись вокруг головы, словно чёрный нимб. Лица не было видно — оно скрывалось в тени и кровоподтёках. Одежда висела клочьями, открывая бледную, почти фарфоровую кожу. На теле цвёл ужасный сад из ссадин, синяков и глубоких, всё ещё сочащихся ран. Одна рука была неестественно вывернута, пальцы сжаты в судороге.

Но он дышал. Слабый, почти неосязаемый подъём груди выдавал в этом изувеченном теле упрямую, дикую волю к жизни.

«Как он прошёл?» — мысль резанула сознание. Сварог, теряя сознание, толкнул в его разум обрывок: «...ангелы не видели... прошёл сквозь...»

— Лекаря, срочно! — крикнул Джэлил, и его голос властно прокатился по двору. — Пий! Займись Сварогом! Если он умрёт... — он не договорил, но в его тоне повисла невысказанная угроза.

— А что делать с чужаком?

— Пий, ты властвуешь над любой жизнью в этих стенах. Будь то человек, зверь или ангел. Решение за тобой.

Пока Пий и слуги в панике бросились выполнять приказы, Джэлил не отрывал взгляда от незнакомца. «Кто же ты? Как ты смог пройти сквозь наши границы, сквозь охраняемые чащи, сквозь небесные дозоры однокрылых? Что за тень гналась за тобой, что даже Сварог принял бой?»

Кровь стучала в его висках, холодное предчувствие сжимало горло. Это не случайность. Не просто раненый путник. Его появление здесь, в эту ночь, когда он нашёл своего наследника, который считался мёртвым уже пять лет... это было знаком.

— Не спускать с него глаз, — тихо приказал он ближайшему стражнику. — Ни на мгновение.

— Это женщина, сын, — услышал он удивлённый голос

Арэя.

Когда тело уносили в лазарет, Джэлил поднял голову к небу. Звёзды холодно мигали в чёрной бездне, равнодушные к земным страданиям.

— Это твоя воля? — прошептал он в ночь. — Новое испытание? Или... расплата за всё то, что Наместник твой не смог защитить?

Конечно же, ответа он не получил. Впрочем, как и всегда.

ГЛАВА 4. Белая комната

Возвращение в реальность давалось тяжело. Сознание всплывало из глубин — нейроны зажигались по одному, как тусклые, мигающие лампочки в заброшенном туннеле. Внутри головы что-то медленно и тяжело перекачивалось при каждом движении, а руки и ноги казались чужими, налитыми густой, холодной глиной. Резкий свет, хлынувший сквозь сомкнутые веки, обжёг зрение, и на долю секунды её отбросило в недавнее прошлое: снова та стерильная палата. Снова едкий запах антисептика. Снова чужие, холодные руки, безжалостно вгоняющие иглу в вену.

Но вместо них — другие глаза. Два холодных опала сверлили её взглядом.

— Ну, слава богу... вы вернулись.

Голос врача прозвучал издалека. Мягко. Осторожно. Джана перевела взгляд. Белый халат. Янтарные глаза. Складка у рта — будто пытается улыбнуться, но не решается.

— Как вы себя чувствуете?

— Лицо... горит. — Она не моргнула. — Это... нормально?

Пий поправил стетоскоп.

— Для вас — возможно, да. Переломов нет, внутренние органы в порядке. Лишь ушибы и порезы. Повезло.

— Я вижу ваши руки, вы старались.

Мысли путались, скользили. Тигр. Белый, огромный. Нет, не тигр. Барс...

— Он спас меня... — вырвалось у неё вдруг.

— От кого?!

Голос прозвучал не громко. Точно. Как стрела в цель. Джана сжалась. Он. Тот, чей взгляд выжег в ней всё лишнее.

— Не увидела. Только... тяжесть в воздухе. И запах.

— Какой?

Пальцы сомкнулись на воротнике пижамы. Не рывок. Давление. Медленное. Неотвратимое. Ткань натянулась. Воздух кончился.

— Гнили, — выдохнула она. — И... его страх.

— Ложь.

Сказанное без повышения тона, оно выбило из неё последний остаток воздуха.

— Господин! Отпустите её! — голос Пия дрогнул от ужаса.

Но Джэлил не слышал. Перед ним была лишь она — это дрожащее, окровавленное существо, от которого веяло странной смесью растерянности, адреналина и силы. Омерзение подкатило к горлу, сдавив желудок тошнотой. «Как она здесь оказалась? Кто посмел ранить Сварога? Почему не сработала защита?» Снова эти вопросы. Страх. Да, именно страх. Во второй раз в жизни.

— Приведите её в порядок, — бросил он сквозь зубы.

Разворот. Дверь захлопнулась.

Пий остался стоять, не смея вдохнуть. Он знал аксиомы: Джэлил Теовиль не кричит. Джэлил Теовиль не теряет контроль. Но только что он сделал всё это сразу.

Вода смывала грязь, но не могла смыть ощущение его взгляда — того, что прожигал насквозь. Джэлил. Даже имя, выловленное из обрывков разговоров вокруг, обжигало. Тихий стук в дверь вернул её в реальность.

— Ваши вещи, хиватла. Господин ждёт.

Она улыбнулась краем губ, но улыбка получилась кривой, почти хищной, и служанка вздрогнула, торопливо выходя.

На стуле лежал аккуратно сложенный комплект: чёрная футболка, белые брюки из тонкого муслина и белые слипоны. Новая одежда. Или подарок?

Она стояла у края фонтана. Волосы ещё мокрые.

Шрам на её лице больше не казался свежей раной. Он стал частью её черт, естественный, словно она с ним родилась.

Джэлил смотрел слишком долго. Пальцы непроизвольно сплелись в замок. Он не ожидал, что она может быть настолько красива. Не выдуманно, не кукольно. А пугающе, до боли живо.

— Ваша тишина, — сказала она первой. Голос был плоским. Без интонации. — Она давит. Как вода. Зачем вы её носите?

Он не ответил. Шагнул вперёд. Тень легла на её плечи.

— Вы... — Он остановился. Голос дрогнул. — Вы смот-

рите, будто ждёте удара. А мы ждём благодарности.

Она подняла взгляд и сделала шаг вперед. Теперь, когда расстояние сократилось, он смог разглядеть их по-настоящему. Глубокий аметист, с четким золотым ободком у самых зрачков.

— Благодарность — для тех, кто помнит, что такое «до». Я помню только «после».

— Кто вы?

— Санджана. Или Джана. Не важно.

Он сделал ещё один шаг. Расстояние между ними сократилось до опасного минимума.

— Вы пересекли черту, — констатировал он. — Объяснитесь.

— Меня вышвырнули. Я просто шла своей дорогой. Ваш барс меня остановил. Если бы не он, я бы просто прошла мимо. Мне здесь нечего делать.

— Вы останетесь. Пока мы не примем решение.

— Узница?

Он кивнул. Коротко.

Она не стала спорить. Напротив, её поза стала ещё более расслабленной, а в глубине аметистовых глаз мелькнула усмешка. Словно она ожидала именно этого.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Мне не привыкать. Стены крепкие, тюремщик молчалив. Я останусь.

— Николай, — бросил Джэлил через плечо, уже разворачиваясь к выходу. — Посели её в Белой комнате.

Белая комната. Так называл её хозяин дома. Здесь не было ни единого цветового пятна: ни на стенах, ни на потолке, ни даже на дверной ручке. Этот белый не успокаивал. Он стирал. Растворял границы, память, само течение времени.

Джана вошла и села на край кровати. Провела пальцем по шраму. Ткань под кожей была бугристой, но живой. «Почему он он такой тихий?»

В ответ — глухой стук собственного сердца.

Джэлил стоял перед зеркалом.

Он медленно лил ледяную воду из серебряной чаши на запястья. Долго, методично. По привычке. Это успокаивало его.

Он ждал часа Пургато.

ГЛАВА 5. Ребёнок в доме

Синрик вошёл в резиденцию Теовилей не как ребёнок, а как инородное тело, попавшее в стерильную среду.

Уже на второй день коридоры огласились криком. Диким, гортанным звуком, от которого вибрировали окна. Он бился о стены, срывал ногти до крови. И замолкал. Мгновенно. Абсолютно. Стоило в дверях появиться силуэту Джэлила.

Няни не выдерживали. Шестая по счёту лишилась части мочки уха. Мальчик откусил её без злобы, как срабатывающий рефлекс, когда женщина попыталась его обнять.

По ночам он сползал с кровати на холодный пол. Утром его находили в углу детской: скрюченного, с синеватыми губами, в мокрой от пота и мочи одежде. Он не спал. Он лежал с открытыми, немигающими глазами, глядя в одну точку, и ждал.

Джэлил находил его по ночам у своей двери. Мальчик не мог открыть тяжёлые дубовые створки, поэтому полз по коридору, пока не упирался лбом в дерево. Там он затихал.

Джэлил перешагивал через него.

Ни разу не замедлил шаг. Ни разу не опустил взгляд. Это была необходимая дистанция. Но каждый такой шаг давался ему дороже, чем он готов был признать.

Арэй не мог на это смотреть. Он поднимал внука и уносил обратно. Но следующей ночью Синрик снова лежал у этой

двери.

— Он ищет защиты, — сказал Арэй с мольбой в голосе.
— Он не понимает, почему ты его отталкиваешь.

— Ему нечего искать в этом доме, — ответил Джэлил, не меняя позы. — Мы скоро решим его судьбу.

Арэй хотел возразить, но встретился взглядом с сыном и промолчал.

На восьмой день очередная няня выбежала из детской, сжимая окровавленную кисть.

— Он укусил меня! Он ненормальный! — Женщина рухнула перед Джэлилом на колени. — Господин, умоляю, отпустите меня. Он не человек. Он...

— Довольно, — оборвал её Джэлил. Он не повысил голоса. Он просто сделал его таким тихим и плоским, что женщина осеклась, покрываясь холодным потом. — Убирайтесь.

Она ушла. Следом за ней уволились ещё две.

Пий, проводивший обследование, зафиксировал аномалию. Когда Синрик оставался один, мониторы показывали критическое падение пульса и давления. Но стоило Джэлилу переступить порог комнаты — даже не прикоснуться, просто войти — показатели выравнивались. Сердцебиение мальчика синхронизировалось с ритмом отца.

Пий доложил об этом. Джэлил выслушал, глядя в окно.

— Слабое сердце, — произнёс он. — От Малиссы. Ей тоже требовалось наше присутствие, чтобы просто дышать.

Он не добавил: «Жаль, что это её не спасло». Но Пий

услышал это в паузе.

Вечером к нему пришёл Николай.

— Господин, — тихо начал камердинер. — Может быть, ему нужны не няни. Может, ему нужны... вы?

— Нет, — отрезал Джэлил. — Он не получит от нас ничего. Он чужой в этом доме. Сосуд для чужой воли. Его можно использовать как оружие против нашего рода.

Николай молчал. Он знал, что спорить бесполезно. Но он видел, как мальчик замирает, когда Джэлил проходит по коридору, и как его пустые глаза на долю секунды фокусируются на отце.

— Ты тоже начинаешь, — Джэлил резко обернулся. — Сначала Арэй, потом Пий, теперь ты. Все твердят одно: «Он ребёнок, он твоя кровь». А кто смиляется над ним, когда за эту кровь придут расплачиваться?

Джэлил шагнул вперёд. В его позе не было злобы, только холодная, неоспоримая решимость.

— Мы не отец. Мы — Наместник. Наша обязанность — принимать решения, а не жалеть. Если вы не в силах это принять — можете покинуть резиденцию. Все.

Николай опустил голову.

— Уйди, — тише добавил Джэлил.

Камердинер поклонился и вышел.

Джэлил остался один. Он стоял у окна. Где-то в другом крыле дома затихал очередной приступ: крики сменились всхлипами, всхлипы — тишиной. Он знал это. Не потому

что слышал. Он это чувствовал.

Джана прибыла одновременно с Синриком. И с тех пор о ней не было никаких сведений. Она не выходила из Белой комнаты. Не стучала. Не звала. Не пыталась бежать.

«Она ждёт», — понял Джэлил.

Один заполнял дом хаосом. Другая — безмолвием. И обе эти крайности методично проверяли на прочность его Кастис.

ГЛАВА 6. Рождение Наместника

Не было крика.

Ни младенца, ни матери.

Когда Джэлил появился на свет, ожидаемый крик так и не раздался. Тишина накрыла палату, как захлопнувшаяся крышка гроба. Повитуха, привыкшая к воплям и крови, выронила медный таз. Металл глухо ударился о каменный пол, но звук словно утонул в вате.

Младенец просто открыл глаза.

В этой сверхъестественной тишине не осталось места для человеческих условностей. Слуги опустились на колени, повинувшись древнему, животному инстинкту перед лицом непостижимого. Их губы беззвучно шевелились, выдыхая забытые гимны Тому, кого этот мир давно счёл мёртвым.

Месяц спустя, войдя в детскую, Николай застал Арэя стоящим на коленях у колыбели. Камердинер замер на пороге, чувствуя, как по спине ползёт холод.

— Господин...

Арэй медленно поднял лицо. В его глазах священный трепет смешивался с ужасом человека, осознавшего, какой ценой досталось это чудо.

— Взгляни, — прошептал он, и голос его дрогнул.

Николай приблизился, заглядывая в колыбель. В глазах младенца не было мутной, беспомощной пелены новорож-

дённного. Радужки были рассечены по диагонали невидимым, идеальным лезвием. Левая половина — чёрная, выжженная пустота, поглотившая свет. Правая — кобальтовый шторм, в котором медленно, гипнотически вращались серебряные вихри.

Такие глаза в родословной встречались лишь дважды: у Теовиля, вылепленного из первозданного огня, и у самого Падшего.

— Он видит их, — прошептал Арэй, не оборачиваясь. — И слышит.

Детство для него закончилось раньше, чем он научился говорить. Его кровь была слишком тяжёлой для игр, а разум — слишком острым для сказок. Пока другие дети строили замки из песка, он изучал архитектуру власти. Арэй, добровольно изгнавший себя в тень, наблюдал за сыном с медленно нарастающим страхом: мальчик не вырослел, он застывал. Шаг за шагом Джэлил превращался в нечто неумолимое: идеальное, как лезвие, и такое же холодное.

К тринадцати годам Джэлил перерос всех вокруг. В его чертах не было ничего мистического, только пугающая, стерильная гармония. Высокий, с кожей, сквозь которую проступали голубые жилки, и тёмными, как смоль, волосами. Находиться рядом с ним было физически тяжело. Его взгляд не оценивал и не судил. Он просто констатировал факт твоего ничтожества перед чем-то гораздо более совершенным.

А на четырнадцатом году цена этой гармонии была упла-

чена сполна.

Это произошло ночью. Джэлил проснулся от жжения в висках. Он подошёл к зеркалу и увидел, как под кожей проступают белые спирали. Они пульсировали в унисон с его сердцем, выжигая путь к мозгу. Сенсоры.

В глубине гиппокампа, среди извилин, созрел Кастис — двойной ковчег души. Джэлил почувствовал, как его тонкие, невидимые нити обвились вокруг сердца, словно перикард, отсекая всё лишнее.

В одно мгновение мир перестал быть тёплым. Он стал прозрачным.

Джэлил посмотрел на пламя свечи. Он больше не видел в нём уюта или красоты. Он видел температуру горения, расход кислорода и неизбежность энтропии. Никаких искажений. Никаких сомнений. Никаких эмоций. Он стал живым, дышащим зеркалом Теовиля. Первым за тысячелетия смертным, чья плоть смогла выдержать холодную, абсолютную механику небес.

Он знал цену этой чистоты. Историю рода он впитал не как сказку, а как предупреждение, выжженное в самой структуре его ДНК.

Он знал о Теовиле, предавшем Создателя ради хрупкой смертной Атрис. Он знал, как её тело не выдержало тяжести его крови. Он знал, как Теовиль, обезумев от горя, разорвал её чрево, чтобы вырвать кричащего сына, и рассыпался в прах. Не от божественной кары. От абсолютного, всепо-

глощающего отчаяния и чувства вины.

Но самое главное проклятие он носил в своей крови.

Женщины рода Теовилей не выживают после родов. Это не слабость плоти и не случайный сбой. Это вопрос абсолютной несовместимости.

Кровь их рода с самого начала несла в себе осколок первозданного пламени, из которого был сотворен сам Теовиль. Смертное тело, сотканное из воды и органики, не способно вместить этот жар. Оно служит лишь временным инкубатором.

В тот миг, когда младенец делает первый вдох, пламя в его венах вспыхивает в полную силу. Материнское тело не выдерживает этой температуры. Оно выгорает изнутри, расходуя себя до последней клетки, чтобы поддержать жизнь наследника.

Мать Джэлила не стала исключением. Её сердце остановилось ровно в ту же секунду, когда он сделал свой первый, беззвучный вдох. Его жизнь началась с её конца. Без драмы. Без прощания. Просто обмен.

Джэлил стоял в центре Чёрной комнаты.

В полумраке, на единственной подсвеченной стене, висел прижизненный портрет Люцифера. Взгляд с холста был тяжёлым, цепким. Насмешливым. Или Джэлилу просто хотелось так думать.

И на фоне этого навязчивого присутствия зияла другая деталь. В этом огромном доме не нашлось места ни для од-

ного изображения его матери. Нигде. Это было сделано не со зла. Это была превентивная мера. Санитарная чистота, призванная не провоцировать эмоций. Чтобы его сердце оставалось холодным и не знало боли, которую могло бы вызвать её лицо.

— Родился, — тихо произнёс Джэлил, и его голос, ровный и глубокий, эхом отразился от мраморных стен. — И теперь мы знаем, благословение это или проклятие.

В мире смертных он был безупречным аристократом, чья империя простиралась от стерильных лабораторий до промышленных зон. Но для Кукловодов — приспешников Люцифера среди людей — он был не правителем. Он был Богом. Абсолютом, чьё редкое проявление эмоций обходилось разрушениями целым городам.

— Ты должен быть сильнее всех, чтобы править ими, — говорил отец. В его голосе всегда сквозил едва уловимый страх перед тем, что он сам породил.

— Мы есть сила, — отвечал Джэлил.

Он презирал отца. Он презирал этот мир.

— Мы не боги, — шептал Арэй, не решаясь выйти из полумрака.

Джэлил смотрел на него, пока отец первым не отвёл взгляд. — Нет, отец. Мы — бог. А вы лишь те, кто боится признать, что небо давно опустело.

Смех давно покинул эти стены. Остались лишь служение долгу и равнодушие ко всему. И одна деталь, известная лишь

Николаю.

На груди Джэлила всегда лежал тяжёлый, холодный медальон. Внутри не было портрета. Только прах. Напоминание о том, что его жизнь куплена ценой её смерти.

Глубокой ночью Наместник брал медальон. Медленно, методично вдавливал его в грудь. Холодный металл разрывал кожу. Рельефный узор впекался в плоть, оставляя кровоточащий след.

Это была единственная боль, которую Кастис не мог выжечь дотла.

ГЛАВА 7. Жертва

Но до того, как Джэлил стал тем, кем ему было суждено, случилось нечто, рассёкшее его судьбу на «до» и «после».

Всё началось с первого взгляда месячного младенца.

В вышине дрогнула многовековая спячка. Древние сущности откликнулись на знакомый ритм, пытаясь пробиться сквозь слои реальности. Но человеческая плоть оказалась слишком тесной для этого голоса. Кожа на висках осталась гладкой. Узоры не проступили. Связь захлопнулась, не успев сформироваться.

Годы шли. Джэлил всё больше напоминал Теовиля: те же резкие, точёные черты, тот же взгляд, от которого замирало дыхание. Спиралевидные сенсоры на висках проступали медленно, но ангелы по-прежнему хранили молчание.

И тогда в игру вступила Высшая воля.

Отец Джэдила был наделён даром, возможно, самым тяжёлым из всех: он всегда принимал единственно верное решение. Какой бы страшной ни была его цена.

Однажды ночью Арэй увидел её — Ханию. Свою погибшую жену. Она стояла в ногах его постели, прозрачная, как предрассветный туман, и улыбалась той самой улыбкой, от которой когда-то таял его разум.

— Возьми, — прошептала она, протягивая клинок. — Это для Джэдила.

Пробудившись, Арэй долго сидел в темноте, вцепившись в эфес так, будто это был не кусок стали, а единственная нить, удерживающая его рассудок от падения в чёрную бездну только что увиденного сна. Он понимал, что должен сделать. Его дар не оставлял иллюзий. Но душа рвалась на части, сопротивляясь силе этого дара.

— Я не Авраам, Господи... — выдохнул он в пустоту.

Ответа не последовало. Как и всегда.

Арэй вошёл в комнату сына. Луна серебрила высокое окно. Джэлил спал, и лицо его было безмятежным. Арэй смотрел секунду. Вечность.

Лезвие скользнуло вниз. Быстро. Точно.

Джэлил не вскрикнул. Он просто открыл глаза.

В этом взгляде не было детского испуга. Там застыло удивление.

Смотря в полные ненависти глаза своего единственного сына, Арэй перестал существовать как человек. Внутри него рушился мир, но тело не слушалось разума. Оно действовало холодно и механически, подчиняясь высшей необходимости. Рука, сжимавшая рукоять, стала чужой.

«Прости меня... прости...» — эта мысль билась в черепе, но лезвие шло глубже.

Он почувствовал, как живая плоть поддалась, и хлынула кровь. Тёплая. Родная. Она залила пальцы, рукава, наполнила комнату медным запахом. И вместе с ней из Арэя уходило всё, что делало его отцом.

Но Джэлил не умер.

Кровь на его шее перестала течь. Рана начала затягиваться тонкой, перламутровой плёнкой, вытесняя смерть. Джэлил медленно поднял глаза и замер.

Комната исчезла. Перед ним стояла Ночь.

Создатель явился не в облике, а в ощущении. Не тьма, но сама Ночь: бархатная, звёздная, дышащая. Мантия из чёрного шёлка, в которую были вплетены созвездия, мягко колыхалась в безвоздушном пространстве.

«Не смотри в лицо», — шепнул древний инстинкт.

Но Джэлил посмотрел.

И увидел всё сразу: горные хребты, рождающиеся за секунду; океаны, выкипающие в одном выдохе; галактики, танцующие на ладони. Это было слишком. И катастрофически страшно.

— ДЖЭЛИЛ, — произнесло Небо. Голос звучал не как звук, а как вибрация, сотрясающая саму структуру реальности.

Он не мог ответить. В горле стоял ком по чему-то, чего он никогда не знал, но теперь терял.

— ТЫ СПРАШИВАЕШЬ, ПОЧЕМУ? — звёзды в мантии вспыхнули ослепительным светом. — ПОТОМУ ЧТО ТАК БЫЛО СУЖДЕНО. ТЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ, КТО ЛИШЁН ПРАВА НА ВЫБОР.

Джэлил сглотнул, чувствуя, как перламутровая плёнка на шее окончательно стягивает плоть.

— Ему Ты дал волю. А меня принёс в жертву.

— ОН ЛЮБИТ ТЕБЯ, — тихо отозвалось Небо, и в этом шёпоте прозвучала бесконечная печаль. — НАСТОЛЬКО, ЧТО ГОТОВ СТАТЬ МОНСТРОМ, ЛИШЬ БЫ У ТЕБЯ БЫЛ ШАНС.

Внезапно Джэлил ощутил это не ушами, а нутром: шёпот. Тысячи голосов на языке, которого не существовало в мире людей. Ангелы. Они звучали как перезвон тысяч хрустальных клинков в урагане.

— Что они...?

— ВЫБИРАЮТ, — мантия стала прозрачной, обнажая бездну за ней. — ТЫ ЗНАЕШЬ, ГДЕ ХРАНИТСЯ ТВОЙ КАСТИС?

— В висках, — Джэлил коснулся пульсирующих сенсоров. — В гиппокампальных извилинах. Связан с сердцем.

— ДА. ОН ДВУСТОРОННИЙ. ОН ДАЁТ ЧИСТОТУ. НО ОН ЖЕ ОТРЕЗАЕТ ТЕБЯ ОТ ТОГО, ЧТО СМЕРТНЫЕ НАЗЫВАЮТ ЧУВСТВАМИ. ТЕПЕРЬ ТЫ ПОНИМАЕШЬ ЦЕНУ.

— Я всегда её понимал, — тихо сказал Джэлил. И это была правда.

— АНГЕЛЫ ВСЕГДА БЫЛИ С ТОБОЙ. ПРОСТО ТЕПЕРЬ ТЫ НАКОНЕЦ СМОЖЕШЬ ИХ УСЛЫШАТЬ.

И тогда Джэлил засмеялся. Горько. Громко.

— И это всё? Вся эта боль — лишь ради того, чтобы стать рупором?

Звёзды погасли. На одно биение сердца.

— РАЗВЕ ЕСТЬ ЧТО-ТО ВАЖНЕЕ? — спросило Небо, и в его голосе вдруг проступило раздражение. — ДАЖЕ ДЛЯ БОГА.

Тьма замерла, наполненная дрожащим сиянием. Всевышний заговорил, и каждый слог рождал в воздухе мерцающие, обжигающие письма:

— ЧТОБЫ ПРОБУДИТЬ ХОРЫ И СОБРАТЬ ИХ ПОД СВОИМ ЗНАМЕНЕМ, ТЕБЕ НАДЛЕЖИТ ОБРАТИТЬСЯ К НИМ НА ИХ СВЯЩЕННОМ НАРЕЧИИ. ЯЗЫК ЛЮДЕЙ СЛИШКОМ ГРУБ ДЛЯ ИХ КАСТИСОВ.

Джэлил почувствовал, как по вискам струятся капли — будто сама вечность проступала сквозь его кожу.

— Но как они смогут хранить тех, чья речь для них губительна?

В очертаниях Божественного лика мелькнула тень нежности, пугающей в своей чужеродности:

— ЭТО, ДИТЯ МОЁ, ТЕБЕ ПРЕДСТОИТ ПОСТИЧЬ САМОМУ.

Он поднял руку. И мир перестал пульсировать. Звук умер на полуслове. Движение потеряло смысл.

— ГОТОВ ЛИ ТЫ ПРИНЯТЬ ВОИНСТВО И СТАТЬ БОГОМ ДЛЯ СМЕРТНЫХ? ИБО ОТНЫНЕ Я ОТРЕКАЮСЬ ОТ ЭТОГО МИРА.

— Но почему...

— ТОЛЬКО ОТВЕТ! — прогремело так, что задрожали

созвездия на небесном полотне.

— Согласны, — прошептал Джэлил. В этом слове сомкнулось эхо всех клятв.

Бог медленно склонил голову.

— ДА БУДЕТ ТАК.

Когда Джэлил поднял глаза, перед ним остался лишь мерцающий след на камнях. А в небе, где мгновение назад пребывал Всевышний, теперь медленно кружились белоснежные перья.

Рана на шее полностью затянулась, когда Джэлил поднялся с холодного пола. Каждый вздох обжигал рубец, но боль казалась далёкой, чужой — будто тело принадлежало уже не ему, а той новой судьбе, что зывала сквозь пелену страданий.

Джэлил открыл рот — и заговорил.

Он не знал этих слов. Никогда не учил их. Но они лились сами, ломая человеческую гортань, выстраиваясь в идеальные, кристальные структуры. Воздух задрожал, и из этой дрожи родился чистый звон, похожий на удар гигантского хрустального колокола.

Ангелы, незримо присутствовавшие в комнате, замерли.

И тогда произошло нечто, чего не случалось с момента смерти Теовиля. Сенсоры на их висках — те самые узоры, что связывали их с божественным, неизменным порядком, — начали пульсировать в такт сенсорам Джэдила. Они интегрировались. Невидимая нить протянулась между ним и

каждым из них.

И в тот же миг ангелы постигли человеческие языки. Непроизвольно.

Это не было обретением знания. Это было заражением. Человеческая речь, с её двусмысленностью, болью и страстью, хлынула в их чистые сознания, как чернила в кристальную воду.

Старший из них, чьё лицо напоминало одновременно юного отрока и древнего, измождённого старца, медленно опустился на одно колено перед Джэлилом.

— Мы слышали тебя, — произнёс он на языке, который ещё минуту назад был для него чужд и отвратителен. Голос ангела дрожал от новизны этих звуков. — Мы идём за тобой.

За стенами храма бушевала гроза. Но здесь, в центре бури, воцарилась тишина, полная нового, пугающего смысла.

Он попытался мысленно произнести своё имя. Но слово «я» застряло в горле, показавшись вдруг чужим, слишком тесным и ничтожным для того, что теперь заполняло его изнутри. Человеческая личность умерла на том холодном полу вместе с пролитой кровью.

С этого дня в его лексиконе осталось лишь одно местоимение.

«Мы».

Джэлил подошёл к зеркалу. На его висках проступали узоры — белые спирали, похожие на морозные разводы. Они не светились, но при определённом освещении казались вы-

жженными в самой его сущности.

Он стал тем, кем ему было суждено. Мостом между небом и землёй. Словом, которое ангелы были вынуждены выучить.

Началом новой, страшной веры.

ГЛАВА 8. Малисса

Пока Джэлил вырослел под тяжестью пророчеств, в тени зрел другой план. Тихий, безумный и выверенный с точностью математики.

Току Фергюссон не спрашивал согласия. Когда Малиссе исполнилось двенадцать, он впервые ввёл ей мутную, серебристую эмульсию и сказал:

— Ты выйдешь замуж. И родишь ему ребёнка.

Малисса молчала. Она давно поняла: её тело ей не принадлежит. Оно стало лабораторией, черновиком, полем боя, где её человеческую природу методично выжигали, чтобы освободить место для чужой силы. Но глубоко внутри, под слоями химии и боли, что-то всё ещё теплилось. Загнанное в угол, но живое.

— Зачем? — только и спросила она.

— Потому что обычная женщина сгорит, — Току не поднимал глаз от медицинского журнала. — Кровь Теовилей не течёт, она плавится. Ты — другая.

Он не говорил «я вырезал из тебя порочные гены». Он не произносил «вживил Кастис». Но Малисса чувствовала это каждой ночью: жар под рёбрами, вибрация в костях, металлический привкус озона после укола. Её пульс замедлялся до сорока ударов. Она не выросла. Она консервировалась. Превращалась в сосуд. В чистилище для его амбиций.

Однажды, когда игла вошла в вену в третий раз за неделю, Малисса спросила:

— А если я откажусь?

Току наконец поднял взгляд. В его глазах не было злости.

— Ты не откажешься. Потому что выбора нет. Ты уже не человек. Ты — мост.

Она закрыла глаза. И больше не спрашивала.

Осенний ветер гнал по аллее сухую листву. Навстречу друг другу шли двое.

Току Фергюссон. Лицо, с которого стёрли все чувства. Пронзительные синие глаза. Взгляд, оценивающий пространство лишь с позиции учёного.

Арэй Теовиль. Серые глаза. Лицо, на котором грусть стала второй кожей. Он шёл, неся в себе тяжесть того, что уже произошло, но о чём остальные ещё не догадывались.

Они остановились. Три шага между ними. Пропасть между врагами. Пропасть между отцами.

— Фергюссон, — бросил Арэй.

— Теовиль, — ответил Току.

— Станным мне показалось твоё письмо. Что такого важного, что ты позабыл о ненависти?

Току медленно провёл языком по губам.

— Я знаю, что он, наконец, возродился.

Арэй замер.

— Откуда?

— Слишком долго вы не исполняли свой долг. — Току

сделал шаг вперёд. — Я должен увидеть мальчика. Если мои подозрения верны... я помогу тебе.

Арэй рассмеялся — горько, безрадостно.

— Ты? Мне? Подпускать тебя к Джэлилу — величайшая ошибка.

— Я отдам за него свою дочь, — бросил Току.

Арэй остолбенел.

— Какую дочь? У тебя есть дочь?!

— Да. И я пересобрал её ради твоего сына.

Арэй молчал. Его дар — проклятие принимать единственно верное решение — сжал его горло ледяной хваткой. Всё в нём восставало, кричало об опасности. Но дар не ошибался никогда. Он просто показывал неизбежное.

— Она не выдержит, — прошептал Арэй, и голос его дрогнул. — Она умрёт...

— Она выстоит, — Току не моргнул. — Я собрал её из самых лучших кусков. Кость за костью. Ген за геном. Она не родилась. Я создал её. Но она выдержит. Она должна.

Арэй слушал. И дар внутри него не шелохнулся, подтверждая страшную истину. Значит, этот чудовищный союз — единственный выход. Он ненавидел свою правоту.

Через неделю Току привёз дочь.

Арэй был поражён, впервые увидев её. Перед ним стояло хрупкое, почти прозрачное создание. Казалось, одно резкое слово могло её разрушить. В её взгляде не было слепой покорности созданного существа. Там сквозила беззащит-

ная, измученная нежность. Та самая добрая девочка, которую предал собственный отец, никуда не делась — она просто смотрела на мир, перестав ждать от него спасения.

— Здравствуй, дитя, — тихо сказал Арэй.

— Здравствуйте, отец, — ответила она. Голос был тихим.

Арэй молча передал ей двухмесячного Джэлила.

Её тело, привыкшее к жестоким экспериментам отца, неожиданно наполнилось теплом и светом. Она прижала ребёнка к груди, и где-то в самой глубине, под ледяной коркой многолетних модификаций, треснула скорлупа.

Проснулась ли её человеческая душа, годами дремавшая в темноте, и теперь остро, отчаянно жаждавшая любви? Или это была гениальная, жестокая ловушка Току, запрограммировавшего в неё способность к привязанности, чтобы она добровольно и с улыбкой шла на всё ради его цели?

Малисса не знала ответа. Она лишь смотрела на спящее лицо этого необыкновенного ребёнка, и по щекам потекли неожиданные для неё слёзы.

— Никогда не думал, что такое возможно, — прошептал Арэй, не в силах отвести взгляд от этой хрупкой, трогательной сцены.

Току молчал, наблюдая за ними. В его мыслях звучало одно и то же, как холодное, неумолимое заклинание:

«Прости меня. Но иного пути не было. Я не позволю им править вечно».

ГЛАВА 9. Свадебная ночь

На пятидесятителетие Джэлила собралась тысяча гостей. Их восхищение вызывало у него тошноту. Но больше всего раздражала она.

Малисса. Хрупкая. Метр сорок. Её бледное лицо, вечно дрожащие ресницы, немые взгляды, полные обожания — он не мог вынести всего этого. Она была насмешкой. Слишком ломкой. Слишком живой.

Выскользнув из зала, он вышел на балкон. Прохладный ночной воздух обжёт лёгкие, но не принёс облегчения.

Лёгкие шаги за спиной. Он не оборачивался.

— Вам что-то нужно?

— О, простите... — голос дрожал. — Вы хотели отдохнуть... а я...

— Да. Докучаете, — отрезал он.

Тишина. Где-то в глубине измученной души что-то дрогнуло.

— Простите... — прошептала она, поворачиваясь. Но он резко схватил её за плечи и развернул.

Джэлил возвышался над ней. Его глаза, холодные как лезвия, впились в её лицо.

— Не жди от нас любви. Ты — сосуд. Ты должна вынести наследника. Любовь? Сострадание? Мы не знаем этих слов. Мы рождены из света, но в нас живёт только пустота.

Малисса задрожала. Губы разошлись.

— Как вы можете защищать души людей от зла, если в вашем сердце нет ничего человеческого?

Он усмехнулся.

— Вот поэтому и можем. Только пустота может противостоять пустоте. А теперь... уходи.

Он отпустил. Но вдруг что-то тёплое прижалось к его спине.

— За что вы так меня ненавидите? — её голос сорвался.
— Я знала вас с младенчества... и вы всегда были таким. Холодным. Я готова была принять всю вашу боль... Но вы не оставляете мне даже крошки надежды!

Джэлил замер. Её слова падали в пустоту, не находя отклика.

— Облегчить нашу ношу? — он произнёс медленно. — Ты хотя бы на себя посмотри. Ты здесь только для того, чтобы вынести наследника. Твоя любовь — это болезнь. Уйди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.